

Ф. А. Куманинымъ прекрасный журналъ «Артистъ», который очень любилъ М. П. и помѣщалъ въ немъ свои рассказы.

Зимой 1900 года М. П. принесъ въ редакцію «Артиста» свою рукопись, и собравшійся кружокъ сотрудниковъ просилъ его прочесть. М. П. прочелъ—(и какъ прочелъ!)—нѣсколько отдѣльныхъ сценъ, которые то захватывали душу, то вызывали гомерическій хохотъ.

— Вотъ такъ-то и Александръ Николаевичъ Островскій хохоталъ, когда я ему рассказы-валъ эту вещь, конечно, разукрашенную... Благодаря ему и рассказъ этотъ я написалъ—это онъ потребовалъ, чтобы я написалъ и напечаталъ его.

Тогда Ф. А. Куманинъ и упросилъ Михаила Проввича упомянуть объ этомъ въ примѣчаніи къ рассказу, который и былъ напечатанъ: «Дивный человекъ». «Посвящается незабвенной памяти А. Н. Островскаго».

Примѣчаніе напечатано въ журналѣ такое:

«Въ концѣ семидесятыхъ годовъ, въ одинъ изъ моихъ прїѣздовъ къ А. Н. въ Щелыново, мы, по обыкновенію, сидѣли съ ними около мельницы съ удочками; рыба не клевала; А. Н. былъ скученъ; желая его развлечь, я принялъ болтать всякій вздоръ и какъ-то незамѣтно перешелъ къ рассказу о томъ, какъ нѣкоторый бѣдный человекъ отъ нужды поступилъ въ дикіе. Пока я фантазировалъ на всѣ лады, А. Н. не спускалъ съ меня глазъ, и когда я кончилъ фантастическое повѣствованіе, онъ взялъ съ меня слово непременно написать этотъ рассказъ. Нѣсколько разъ я пытался исполнить его желаніе, но все не удавалось. Теперь, написавъ его, я счелъ обязанностью посвятить мой первый беллетристическій опытъ памяти знаменитаго драматурга и моего дорогаго учителя».

Рассказъ этотъ былъ напечатанъ въ маѣ 1890 года; въ ноябрѣ общество любителей россійской словесности почтило М. П. избраніемъ въ свои дѣйствительные члены.

Блестяще остроумный, М. П. отмѣчалъ все интересное эпиграммами и экспромтами. Такъ, когда появился нелѣпный Морозовскій замокъ на Воздвиженкѣ,—онъ сказалъ:

— Да, это зданіе наводитъ много думъ,

И прошлаго мнѣ нынѣ стало жалко.

Гдѣ прежде царствовалъ широкий русскій умъ,
Тамъ нынѣ царствуетъ фабричная смекалка.

Когда управляющимъ театрами назначили

вмѣсто пѣхотнаго офицера г. Пчельникова вавалериста г. Теляковского, М. П. пустилъ слѣдующее четверостишіе:

— Управляла когда-то пѣхота
Образцовымъ искусства разсадникомъ,
А теперь управленья забота
Перешла почему-то ко всадникамъ...

Войдя какъ-то на репетицію въ Малый театръ, М. П. услышалъ жестокой запахъ нафталина, и тутъ же сказалъ:

Не житье намъ, а малина.
Этотъ запахъ нафталина
Убѣждаетъ всѣхъ, что Боолъ
Выводилъ въ театрѣ мошь...

Масса эпиграммъ, которыя не припомнить и многія изъ которыхъ неудобно печатать по разнымъ причинамъ.

Остроумны были многочисленные басни М. П., писавшіяся имъ нерѣдко на злобу дня, ходившія по рукамъ съ его любимой подписью подъ баснями:

— Хемницеръ II-й.

Обладая большою способностью къ языкамъ, онъ владѣлъ пятью языками, въ томъ числѣ испанскимъ, и переводилъ пьесы безъ лексикона.

Коренной москвичъ, всей своей душой онъ любилъ Москву, любилъ Россію и никогда не бывалъ за-границей. Когда его приглашали за-границу, онъ всегда отъезывался и говорилъ:

— Я лучше на Ову или на Волгу стерлядей да икру ѣсть!

Чистый, самобытный москвичъ, онъ даже выражался въ жизни чисто по старо-московски.

— Я наемни его встрѣлъ у Трухмальныхъ. И говорилъ это онъ не рисуясь, а такъ, какъ будто такъ только и можно выражаться. Хорошій товарищъ—онъ долгое время объединялъ около себя Малый театръ и избранныхъ москвичей. Его многолюдные вечера глѣтъ 12—15 тому назадъ помнитъ Москва.

Послѣдніе годы М. П. усталъ, какъ-то удалился отъ товарищей и сталъ хирѣть.

До конца дней своихъ онъ не оставлялъ старыхъ привычекъ москвича. Такъ въ пасхальную заутреню обязательно бывалъ въ Кремлѣ, на площадкѣ у лѣстницы Благовѣщенскаго собора, гдѣ когда-то неизмѣнно бывалъ А. Н. Островскій, И. Ф. Горбуновъ, нарочно прїѣзжавшій встрѣчать Пасху въ Мо-